

За четыре года брака, кроме самих участников, только водитель Чжао Ци знал об этом. В глазах других Цзян Юйян и Хэ Пэнчэн были людьми из разных миров. Поэтично выражаясь: две параллельные линии, которые никогда не пересекаются.

Он находился в операционной, и его жизнь висела на волоске, а Цзян Юйян не мог связаться ни с его друзьями, ни с родственниками. Если... Цзян Юйян начал дрожать, он действительно не мог принять такой исход.

Длинный и тихий коридор был пуст, только он один. Цзян Юйян не мог ни с кем поделиться своими переживаниями, и его глаза покраснели от сдерживаемых слёз. За четыре года у них было так мало общих воспоминаний, и если это тоже будет считаться одним из них, то оно станет самым жестоким и глубоким.

Беспорядочные шаги приближались, и Цзян Юйян поднял голову, узнав их: родители и жена Чжао Ци.

Цзян Юйян встал, несмотря на их шок и растерянность:

— Они оба на операции, врач ещё не выходил, так что точной информации нет.

Он не стал передавать им слова медсестры о том, что ранения несерьёзные, ведь есть поговорка: легко говорить, когда сам не в ситуации.

Отец Чжао Ци первым пришёл в себя и кивнул Цзян Юйяну, его взгляд был полон тревоги, когда он смотрел на операционную.

Мать Чжао Ци непрерывно что-то бормотала, сложив руки в молитве, её лицо было исполнено искренности. Вероятно, это были слова молитвы из её религии.

— Вы взяли телефон Чжао Ци? — спросил Цзян Юйян. — Я не могу связаться с родственниками Хэ Пэнчэна, поэтому хотел бы посмотреть, есть ли они в его телефоне.

Жена Чжао Ци открыла телефон и передала его Цзян Юйяну. Он поблагодарил её и начал искать в контактах, пока, наконец, не увидел слова «Мать президента».

Цзян Юйян глубоко вдохнул и набрал номер:

— ...В многопрофильной больнице, 10 этаж, восточное крыло.

Время тянулось мучительно долго. Неизвестно, сколько прошло, но дверь операционной наконец открылась. Цзян Юйян едва мог стоять, его ногти впивались в ладони, и он с трудом выдал вопрос:

— Как он?

Его голос звучал так, будто он был злым колдуном из мультфильма.

— С Чжао Ци всё в порядке, перелом правой ноги. А кто родственник Хэ Пэнчэна?

— Я.

Врач, очевидно, тоже узнал Цзян Юйяна, но остался спокойным:

— Вы его...?

— ...Любимый человек.

Но подписать документы пришлось не Цзян Юйяну, потому что родители Хэ Пэнчэна прибыли. Цзян Юйян молча отошёл в сторону, обессиленно прислонившись к стене.

— Кровотечение остановлено, но сейчас требуется операция на черепе. Мы не можем гарантировать, что пациент выдержит до конца, поэтому просим вас понять.

Спокойные слова врача резали сердце Цзян Юйяна, причиняя невыносимую боль. Слёзы, которые он сдерживал, наконец потекли по его щекам.

Если бы только он мог поменяться местами с Хэ Пэнчэном.

Цзян Юйян плакал тихо, не в силах сдержаться. Он был актёром, и контроль за фигурой был для него крайне важен, поэтому он был очень худым. Свернувшись в клубок на полу, он выглядел жалко и беспомощно.

Мать Хэ Пэнчэна, Цзян Ланьсинь, заметила Цзян Юйяна, подошла к нему и присела на корточки, её глаза были красными:

— Ты знаком с Пэнчэном?

Цзян Юйян поднял голову, слёзы затуманили его зрение, и он не мог разглядеть её. Но в такой момент, когда кто-то говорил с ним, это было хоть какое-то утешение:

— Я его... друг.

Хэ Пэнчэн не рассказывал об их отношениях, и у Цзян Юйяна не было права и смелости раскрывать это. Самым подходящим статусом был друг.

— Не плачь, — Цзян Ланьсинь взяла Цзян Юйяна за руку и помогла ему подняться. — Садись, отдохни. Пэнчэн обязательно будет в порядке.

Молодой человек, которого утешает старший, это не только неловко, но и неправильно. Но сейчас он действительно не мог думать о других, его мысли были заняты только самым худшим.

Время шло медленно, небо постепенно светлело, и когда свет в коридоре погас, Цзян Юйян, похожий на статую, наконец шевельнулся, посмотрел на часы: было уже больше шести утра.

Сколько ещё это продлится?

Глаза, опухшие от слёз, болели, Цзян Юйян моргнул, но боль заставила его закрыть их снова. Он тихо ждал новостей из операционной.

Наконец, врач вышел из операционной.

— Как он, доктор? — с тревогой спросила Цзян Ланьсинь.

В наше время напряжённых отношений между врачами и пациентами, даже если пациент уже скачет от радости, врач не станет верить, что всё точно будет хорошо, особенно учитывая состояние Хэ Пэнчэна.

— Кровотечение остановлено, жизненные показатели стабильны, но что будет дальше... — врач

сделал паузу, его лицо было серьёзным. — Мы действительно не можем ничего гарантировать. Но мы сделаем всё возможное.

Эти слова без гарантий окончательно погрузили Цзян Юйяна в пучину отчаяния. Он медленно поднялся, опираясь на стул...

— Если отправить его за границу, шансы увеличатся? — спросил отец Хэ Пэнчэна, Хэ Цзюнь, сохраняя спокойствие.

Врач ответил дипломатично:

— Уровень медицины за границей, конечно, высок, но в его текущем состоянии... Мы не рекомендуем перевозить его.

Голос Хэ Цзюня дрожал, в нём слышались слёзы:

— Пожалуйста, доктор, спасите моего сына. Умоляю вас...

Перед лицом семейных уз статус и репутация отходят на второй план, как в случае с Хэ Цзюнем, самым богатым человеком в Цзянхае, который умолял врача.

Цзян Юйян с трудом подошёл к врачу:

— Мы можем его увидеть?

— Нет, — врач категорично отказал, но предложил другое решение. — Но в больнице есть система видеонаблюдения за палатами интенсивной терапии. Сейчас ещё идёт наложение швов, но когда пациента переведут в реанимацию, вы сможете увидеть его через эту систему.

Врач ушёл обратно в операционную, а через час вышла медсестра:

— Идите за мной, я покажу вам его.

Трое последовали за медсестрой к небольшому экрану, рядом с которым был телефон. Медсестра включила его, и они увидели, что происходит в палате интенсивной терапии:

— Пациент ещё не очнулся, и он не может с вами говорить. Пока просто посмотрите.

Голова была обмотана бинтами, на лице была кислородная маска, тело опутано трубками... Хэ Пэнчэн был завёрнут как мумия, и Цзян Юйян не мог разглядеть его лицо, но от этого боль в сердце только усиливалась.

Первое, что увидел Лю Дун, было Цзян Юйян, прислонившийся к стене и дрожащий от слёз. Эта скорбь и отчаяние, будто он потерял весь мир, заставили Лю Дуна забыть все упреки, которые он хотел высказать.

Цзян Юйян снимался в разных жанрах: боевики, романтические фильмы, драмы... Травмы были неизбежны. Самый серьёзный случай произошёл, когда он упал с троса, сломал ногу, получил сотрясение мозга и травму лица.

Сяо Ю плакала до истерики, а Лю Дун, приехав в больницу, увидел его спокойную улыбку:

— Ничего страшного, на съёмках без травм не обойтись, лишь бы лицо не пострадало.

Лю Дун до сих пор помнил ту улыбку: светлую, безмятежную, бесстрашную.

Такой сильный человек, какой же должна быть боль, чтобы он плакал так, забыв о своём имидже.

Лю Дун сделал несколько глубоких вдохов, медленно подошёл к нему и тихо позвал:

— Юйян, Юйян.

Знакомый голос, повторяющийся снова и снова, наконец заставил Цзян Юйяна отреагировать. Он поднял голову, уставшую и неподвижную, и посмотрел на Лю Дуна:

— Брат... Дун.

Вспомнив, зачем он пришёл, Лю Дун, хоть и понимал, что Цзян Юйян не хочет, всё же сказал:

— Пойдём домой, нужно разобраться с твоими делами.

Цзян Юйян, вероятно, уже догадался, о чём речь, ведь вчера он так открыто приехал в больницу.

Но...

Цзян Ланьсинь обернулась к Лю Дуну и Цзян Юйяну, который не хотел уходить:

— Ты сначала иди домой, ты уже всю ночь здесь. Отдохни, а если что-то случится, я сразу тебе сообщу.

Так Цзян Юйян наконец ушёл с Лю Дун.

Яркий солнечный свет заставил его закрыть глаза, а в ушах раздавались знакомые звуки фотоаппаратов и настойчивые вопросы журналистов. Измученный физически и эмоционально Цзян Юйян упрямо отказывался открывать глаза, избегая вопросов прессы.

Лю Дун сразу понял его настроение, прочистил горло и сказал:

— Я знаю, о чём вы хотите спросить. Мы позже дадим официальный комментарий. Сейчас, пожалуйста, расступитесь, мы не будем отвечать на вопросы. Спасибо!

Но журналисты, если бы они слушались, не были бы журналистами. Они продолжили толпиться и напирать.

Лю Дун, Сяо Ю и Чжан Бинчэнь окружили Цзян Юйяна и помогли ему сесть в машину. Они долго петляли, пока наконец не оторвались от назойливых репортёров.

С самого начала и до конца Цзян Юйян молча сидел на заднем сиденье, отвернувшись и закрыв глаза, отказываясь от любого общения.

Автор хочет сказать: Кхе-кхе, не позволяйте первым главам обмануть вас, эта история на самом деле очень весёлая [серьёзное лицо].